

Геополитические мотивы пакистанско-афганской эскалации (сентябрь 2026 г.)

Комментарий Центра АРВАК, 28.09.2026

Аннотация

АРВАК анализирует геополитические причины сентябрьского (2026 г.) обострения на афгано-пакистанской границе. Высказывается мнение, что возобновление приграничного конфликта с движением «Талибан» было искусно спровоцировано Исламабадом в качестве дипломатического маневра. На фоне эскалации саудовско-хуситского противостояния и призывов Эр-Рияда к активизации положений о взаимопомощи «Мекканского соглашения» («Суннитского НАТО») Пакистан использовал локальный конфликт на границе как убедительный предлог для уклонения от прямых военных обязательств в районе Красного моря.

Ключевые слова: Пакистан, Афганистан, Талибан, Саудовская Аравия, Ансар Аллах, Мекканское соглашение, Суннитское НАТО, Красное море, ТТР, геополитика.

1. Пакистанско-афганская эскалация сентября 2026 г.

В середине сентября 2026 г. было зафиксировано существенное обострение обстановки на афгано-пакистанской границе. Согласно официальным заявлениям Исламабада, причиной эскалации стали нападения на сотрудников правоохранительных органов, пограничников и гражданское население в районах Хангу и Кохат провинции Хайбер-Пахтунхва. Пакистанская сторона возложила ответственность за данные действия на базирующиеся в Афганистане экстремистские формирования «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТР) и «Иттихад-уль-Муджахидин» (альянс ИМР), аффилированные, по ее оценке, с правящим в Кабуле движением «Талибан». Указанные структуры отвергли причастность к инцидентам, а представители движения «Талибан» обвинили Пакистан в дезинформации и поиске необоснованных предлогов для проведения военных операций на территории Афганистана.

В ночь с 20 на 21 сентября 2026 г. пакистанские военные атаковали ряд объектов в приграничных районах Афганистана, заявив, что удары были нанесены по инфраструктуре боевиков. В свою очередь, афганская сторона заявила, что обстрелам подверглись исключительно жилые дома и мирные кварталы. В ответ 21.09.2026 г. МИД «Талибана» вручил ноту протеста вызванному в ведомство пакистанскому послу в Кабуле, предупредив о намерении принять ответные меры в случае продолжения атак на гражданское население. Со следующего дня боевые действия возобновились практически по всему периметру границы между двумя государствами.

Утверждая, что беспилотники талибов совершили вторжение в глубь пакистанского воздушного пространства сразу по нескольким направлениям, а афганские отряды предприняли попытку прорыва границы, атаковав опорные пункты и заставы Исламабада в районе Зази-Ариуб, пакистанские войска перешли к прямому ракетному обстрелу Кабула.

2. Анализ причин и интерпретаций приграничного конфликта

На первый взгляд, очередная эскалация напряженности между Кабулом и Исламабадом соответствует привычной динамике конфликтов в данном регионе. Сценарий представляется традиционным: совершение террористических актов на

территории Пакистана группировками, связанными с движением «Талибан», сменяется ответными военными мерами Исламабада – преимущественно нанесением ракетно-бомбовых ударов по предполагаемым базам экстремистов на территории Афганистана, – что впоследствии приводит к локальным боевым столкновениям непосредственно вдоль линии разграничения. Однако профильные аналитики фиксируют существенную особенность текущего инцидента: независимые международные средства массовой информации не обнаружили сведений из альтернативных информационных источников, подтверждающих сообщения пакистанской стороны относительно времени, места и последствий атак, приписываемых формированиям ТТР и ИМР. Подавляющее большинство зарубежных медиаресурсов, освещающих текущий конфликт, при изложении причин дестабилизации оперируют исключительно официальными заявлениями Исламабада, отдельно указывая на отсутствие независимой верификации данных сведений. В свою очередь, афганские средства массовой информации не только отрицают причастность движения «Талибан» к инцидентам на территории Пакистана, но и полностью оспаривают достоверность данных событий, заявляя о распространении Исламабадом недостоверной информации. Отдельные афганские обозреватели указывают на то, что при наличии реальных фактов нападений на гражданские и военные объекты ответственность за них следует возлагать на пакистанские специальные службы. По их оценке, инициирование очередного приграничного эскалационного цикла Исламабадом является необоснованным и служит предлогом для проведения массированных военных акций против Афганистана, вводя в заблуждение как общественность обоих государств, так и международное сообщество.

Согласно сведениям афганских источников, чьи оценки косвенно созвучны публикациям *Reuters*, *BBC* и отчетам Миссии ООН по содействию Афганистану (UNAMA), Исламабад пошел на эскалацию у границы без объективных причин либо его военный ответ на систематические локальные инциденты оказался несоразмерно жестким. Подобный подход свидетельствует о прямой заинтересованности Пакистана в дестабилизации так называемой «Зоны племен» и возобновлении масштабных столкновений с Кабулом.

3. Кризис вокруг Саудовской Аравии и «Мекканское соглашение»

Есть основания полагать, что за этими шагами Исламабада стоит стремление решить внешнеполитические задачи за пределами афганского направления, несмотря на значительные издержки и риски для собственных вооруженных сил и граждан. Данная динамика непосредственно связана с развитием ситуации вокруг Саудовской Аравии – ключевого военно-политического союзника Пакистана, оказавшегося в состоянии острого противостояния с хуситским движением «Ансар Аллах».

В своей [публикации](#) от 18.09.2026 («Новая фаза ближневосточного кризиса: борьба за Красное море и проливы») АРВАК подробно анализировал эскалацию в юго-восточной части Красного моря и критическое положение, в котором оказался Эр-Рияд. Подчинив своему контролю ключевые йеменские порты у Баб-эль-Мандебского пролива и разгромив силы международно признанного правительства Йемена в Адене, хуситы перенаправили острие своего удара непосредственно на Саудовскую Аравию.

В настоящее время движение «Ансар Аллах» ведет наземное наступление на южные регионы КСА и наносит массированные удары баллистическими ракетами и ударными БПЛА по стратегическим объектам нефтяной промышленности – НПЗ, портовым терминалам и распределительным узлам. В результате этих атак получил повреждения нефтепровод «Восток–Запад», остававшийся ключевым экспортным маршрутом углеводородов королевства в условиях перекрытия Ормузского пролива Ираном. Кроме того, с середины сентября столица КСА подвергается систематическим обстрелам; наиболее масштабная атака по Эр-Рияду произошла в субботу 19.09.2026 года.

Высокая интенсивность и размах действий йеменских повстанцев побудили Саудовскую Аравию обратиться за прямой военной поддержкой к Пакистану и Турции. С этими государствами Эр-Рияд 07.08.2026 г. заключил так называемое «Мекканское соглашение», известное в экспертном сообществе как декларация о формировании «Суннитского НАТО». Ключевое положение данного документа рассматривает нападение на любого из участников соглашения как акт агрессии против всех сторон, легитимируя тем самым предоставление прямой военной поддержки союзнику. Согласно сведениям ближневосточных источников, в рамках «Мекканского соглашения» Эр-Рияд 10-14 сентября 2026 г. в непубличном порядке обратился к Анкаре и Исламабаду за помощью в целях сдерживания продвижения хуситов вдоль побережья Красного моря и нейтрализации их ракетно-беспилотных атак по территории КСА. Тем не менее сведения о фактическом оказании подобной помощи в открытом доступе отсутствуют.

Официальные представители в Анкаре и Исламабаде заявили, что к середине сентября от саудовской стороны не поступало формального запроса о задействовании оборонительных механизмов пакта. В то же время турецкая сторона, по имеющимся данным, выразила готовность предоставить техническое и оборонительное содействие, включая развертывание средств ПВО. Власти Пакистана, в свою очередь, подтвердили намерение выполнять договорные обязательства «когда придет время». В частности, 10.09.2026 г. представитель пакистанского дипломатического ведомства Саджад Хайдер Хан заверил, что Исламабад вступит в ситуацию при возникновении соответствующей необходимости.

Несмотря на то что с начала активной фазы вооруженного противостояния на юго-западе Аравийского полуострова прошло уже две недели, озвученная пакистанским дипломатом «необходимость» прямой военной помощи так и не материализовалась. По оценкам ряда аналитиков, Исламабад и Анкара сознательно решили не втягиваться в саудовско-хуситский конфликт. На такую позицию, судя по всему, повлияли и открытые предупреждения со стороны руководства «Ансар Аллах», заявившего о готовности немедленно нанести удары по силам Турции и Пакистана в регионе и задействовать против них весь имеющийся арсенал в случае любого военного вмешательства на стороне Эр-Рияда.

Йеменская эскалация стала серьезным испытанием на прочность для «Суннитского НАТО», однако отсутствие активных шагов со стороны Турции и Пакистана по обеспечению «совместной обороны» – ключевого принципа «Мекканского соглашения» – уже вызвало волну скепсиса в экспертной среде. Аналитики указывают, что сдерживающим фактором для становления пакта в качестве монолитного союза выступают глубокие геополитические противоречия и разнонаправленные национальные интересы его участников. В

сложившихся условиях государствам-членам блока предстоит признать, что взаимные обязательства по безусловной военной поддержке были провозглашены преждевременно.

В ответ на постоянно звучащие упреки о несостоятельности «Суннитского НАТО» и провальности громко заявившего о себе в августе геополитического проекта глава МИД Турции Хакан Фидан привел в пример опыт НАТО, который за свою «70-летнюю историю» якобы «ни разу»¹ не применил Статью 5 своего учредительного договора, при этом, по его словам, неоднократно имея на то основания. Фидан заявил, что суннитский альянс только начинает свой исторический путь и что его не следует считать «бумажным тигром».

4. Дипломатический маневр Исламабада

Таким образом, если Анкара стремится отстоять жизнеспособность «Мекканского соглашения» и оправдать свое невмешательство в войну с хуситами в рамках публичного дискурса, то Исламабад избрал иную логику для объяснения своего устранения от конфликта, в который, согласно положениям соглашения, был обязан вступить. В данном контексте есть достаточные основания предполагать, что возобновление напряженности на афгано-пакистанской границе, произошедшее всего через несколько дней после начала активного наступления «Ансар Аллах» на Аравийском полуострове, могло быть спровоцировано при непосредственном участии Исламабада. Чтобы аргументированно отказать Эр-Рияду в прямой военной поддержке, Пакистану требовался убедительный предлог. Боестолкновения с талибами стали именно тем фактором, который позволил легитимизировать отказ от участия в защите интересов КСА в зоне Красного моря. При этом Пакистан не стал обращаться к Эр-Рияду за встречной помощью, сформировав тем самым паритет в невыполнении взаимных обязательств, закрепленных в соглашении.

Именно этим фактором обусловлено то, что Эр-Рияд, ограничившись неформальными закулисными консультациями и запросами об оборонной поддержке, так и не перешел к официальной процедуре обращения к участникам пакта с призывом вовлечься в йеменское противостояние. Сложнейшая комбинация, сопряженная с рисками военных потерь и прямых столкновений с талибами, потребовалась Исламабаду для того, чтобы сформировать убедительную с правовой и моральной точек зрения аргументацию собственного дистанцирования от саудовско-хуситского конфликта. Эр-Рияд выступает ключевым финансовым донором пакистанской системы и важнейшим инвестором в ее уязвимую экономику, в силу чего Исламабад не в состоянии прямо отклонить просьбу саудитов без веских и исчерпывающих оснований. С другой стороны, пакистанские власти отдают себе отчет в критической опасности прямого участия в йеменской кампании, способной превратиться в катастрофическую авантюру для страны, которая и без того вынуждена направлять ресурсы на сдерживание Ирана и Индии, параллельно нейтрализуя внутренние дестабилизирующие угрозы со стороны радикальных структур и племенных объединений. Именно это глубокое противоречие в настоящее время подрывает жизнеспособность и эффективность «Мекканского соглашения».

¹ На самом деле Статья 5 Североатлантического договора о коллективной обороне была официально задействована 12 сентября 2001 года в ответ на террористические акты против США.